

Studies in Transcendental Philosophy. 2013-2022

ISSN 2713-2668

URL - <http://transcendental.ru>

All right reserved

Issue 2 Volume 2. 2021

The Tantalus' Torments of Transcendentalism

Sergey Chernov

*Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications
Russian Federation, Saint Petersburg*

Abstract

Kant's manuscripts of 1796–1803, which the Academic German edition of his works combined in 21–22 volumes of under the invented by H. Vaihinger name 'Opus postumum', still attract the attention of researchers. Was there really a significant theoretical "gap" in the system of Kant's "critical", transcendental philosophy, which built by 1790, needed to be filled, namely, to undertake a conceptual "transition" from the already constructed a priori metaphysics of corporeal nature (metaphysical principles of natural science) to experimental mathematical physics, to the entire scientific empirical investigation of nature? In the last years of his life Kant tried to solve a problem that was really decisive for the fate of transcendentalism, which he had already realized in 'Critique of Pure Reason' and concretized in 'Metaphysical Foundations of Natural Science', however he found himself in a hopeless situation, which doomed him to the "Tantalus' torments". The problem that he was constantly thinking about necessarily arises in the system of transcendental philosophy, but has no solution in it. 'Opus postumum' is an important piece of evidence on the insurmountable difficulties faced by the attempt to "save" philosophy as a perfect and complete system of absolutely reliable, "apodictic" science, based on the idea of universal and necessary conditions for the experience possibility.

Keywords list (en): Kant, metaphysics of nature, metaphysical foundations of natural science, metaphysics and physics, 'Opus postumum', transcendental philosophy, philosophy as a science

Date of publication: 16.11.2021

Citation link:

Chernov S. The Tantalus' Torments of Transcendentalism // Studies in Transcendental Philosophy. – 2021. – V. 2. – Issue 2. URL: <https://transcendental.ru/s271326680016903-3-1/> DOI: 10.18254/S271326680016903-3

¹ Отправив 22 марта 1790 г. последнюю, третью, часть рукописи «Критики способности суждения» в печать и обдумывая построение на основе всей своей *критической* работы будущей *доктринальной системы* научной, трансцендентальной философии, Кант,

неожиданно для самого себя, в течение нескольких ближайших месяцев (Basile 2013, s. 438) пришёл к выводу, что необходимо написать ещё один небольшой («в несколько листов») трактат о том, как должен быть осуществлён *переход* от *априорной метафизики* природы к *эмпирической физике*. О том, что замысел этого нового трактата возник у Канта задолго до того, как в 1796 г. были сделаны первые его наброски, свидетельствует письмо Йохана Кизеветтера от 8 июня 1795 г., в котором он спрашивает Канта о том, когда же наконец будет опубликована работа, которую философ *вот уже несколько лет* собирает подарить публике, и которая должна содержать «Переход от метафизических начал науки о природе к самой физике» (AA, 12, S. 23).

2 Кант никогда не торопился с ответами на адресованные ему письма. Вот и сейчас ответ на вопрос Кизеветтера Кант дал лишь через три года, сначала в письме к Христиану Гарве от 21 сентября 1798 г.: «Вообразите, каково мне при довольно сносном состоянии здоровья быть чуть ли не в параличе как раз в умственных своих занятиях: представлять себе полное завершение своего замысла по отношению к философии в целом (касаясь как целей, так и средств) и видеть, что всё это ещё не закончено, несмотря на то, что я уверен в выполнимости этой задачи – в сравнении с этим танталовы муки кажутся менее безнадежными. Задача, которой я сейчас занят, касается “Перехода от метафизических начал естествознания к физике”. Её надобно решить, иначе в системе критической философии останется пробел. Внимание разума к этому не ослабевает, сознание возможности этого – тоже, исполнение же, однако, затягивается по причине если и не полного паралича жизненных сил, то по причине всё время возникающих затруднений – и это вызывает высшее нетерпение» (AA 12, s. 257). Через месяц Кант написал, наконец, и Кизеветтеру о том же самом «пробеле» и о трактате, которым он *никак не может завершить* всё те же «критические занятия», необходимые для построения *доктринальной системы трансцендентальной философии* как совершенной и *завершённой* аподиктической науки.

3 В чём же причина «танталовых мук» Канта в последние годы жизни? Размышлял ли он постоянно и ежедневно над *реальной проблемой*, более того – *ключевой проблемой*, без решения которой вся задуманная им система философии может просто *рухнуть*, как не имеющая абсолютно прочного основания, или же он сражался с призраками старческого слабоумия, подобными «убийцам», которые мерещились ему на закате жизни в ночных кошмарах? Можно ли объяснить содержание рукописей Канта последних лет жизни лишь его старческой дряхлостью, «сенильностью», прогрессирующей деменцией и т. п., и с чистой совестью просто оставить их без внимания, не придавая им никакого *теоретического* значения, в том числе для оценки замысла *критической* и *трансцендентальной* философии в целом?

4 II

5 Нет сомнений в том, что рукописи последних лет жизни Канта несут на себе отпечаток старческой слабости, постепенного угасания его умственных способностей и душевных сил. Фихте, посетивший занятия Канта со студентами в 1791 г., ещё *за пять лет* до первых набросков новой «науки о переходе», пришёл к выводу, что одряхлевшее тело философа уже не может вместить великий дух, воплотившийся в его критических сочинениях. В это же время и сам Кант заметил ослабление своей работоспособности – он мог писать лишь в первой половине дня, до обеда, и не мог сконцентрироваться на работе более, чем на два-три часа.

6 Спустя три года в письме к Якобу Сигизмунду Беку от 1 июля 1794 г., Кант признался в ослаблении своего интеллекта: «быть может, Вам удастся представить в достаточно ярком свете эти простые тонкие нити нашей познавательной способности. Подобные сверхтонкие расщепления уже не для меня; даже построения профессора Рейнгольда я уже не могу понять достаточно отчётливо» (Кант, 1980, с. 594).

7 Ещё через два года, как раз ко времени написания *первых фрагментов* *Opus postumum*, Кант уже был не в состоянии проводить учебные занятия «из-за возраста и состояния здоровья», как записано в актах сената университета его собственной рукой.

Райнхолд Бернхард Яхман, бывший помощником и секретарём Канта в 1783–1794 гг., именно с 1796-м годом связывал заметные изменения в интеллекте Канта, который и сам позднее связывал начало своей «слабости» с этим годом, а именно – с «эпидемией катара, вызывающего ощущение тяжести в голове». Этот «катар», по его мнению, – «частично затронувшая мозг подагра», которая «если не полностью дезорганизовала мою способность к умственной деятельности, то во всяком случае ослабила и притупила её...» (Кант, 1980, с. 314). Оставив преподавание и посещение академического сената, Кант вёл уединённую жизнь в своём доме, по-прежнему вставал в пять утра и до часу дня сидел за письменным столом. Трудно сказать, сколько часов из этого времени он работал, поскольку длительное умственное напряжение в это время уже не выдерживал. *Самый ранний* из сохранившихся рукописных набросков новой «науки о переходе» из *Opus postumum*, а именно, «набросок в 1/8 листа», так называемый *Oktaventwurf* (AA 21, S. 373–412), был написан именно в это время.

8 Летом следующего, 1797 года, Канта посетил известный врач, профессор анатомии и хирургии в Галле Филипп Мекель, который публично заявил после встречи, что дух Канта настолько ослаб, что от него более не следует ожидать чего-то нового и оригинального в философии. Можно возразить, конечно, что в том же 1797 г. Кант опубликовал «Метафизику нравов», статьи «Провозглашение скорого заключения договора к вечному миру в философии» и «О мнимом праве лгать из человеколюбия», а в следующем 1798 г. – «Спор факультетов» и «Антропологию в прагматическом отношении». Эти публикации, однако, говорят лишь о том, что Кант в это время был работоспособен, но лишь приводил в порядок свои бумаги, ранее обдуманное, прочитанное на лекциях и записанное. К этому времени относятся наброски *Opus postumum*, обозначенные Кантом «ABC», « α - ϵ Übergang».

9 Ещё через год, в письмах 1798 г., семидесятичетырёхлетний Кант уже жалуется на подобие «умственного паралича», на состояние «старого, не больного, но нетрудоспособного человека». К этому времени относятся листы рукописи, обозначенные Кантом «a, b, c» (август 1798 – сентябрь 1798), «No 1 - No 3η» (сентябрь 1798 – октябрь 1798), «Elem. Syst. 1-7» (октябрь 1798 – декабрь 1798), «Farrago 1-4» (декабрь 1798 – январь 1799).

10 В дальнейшем жалобы на «привязавшееся нездоровье» становятся всё громче – «оно, правда, не указывает на приближение смерти, но отбивает охоту и к работе, и к общению» (AA 12, s. 273). В ноябре 1799 г. Кант жалуется на спастическую подавленность и головные боли (AA, 12, S. 289, 293), в конце декабря описывает своё «печальное состояние», «спазматическое угнетение головы, как бы судороги мозга», но льстит себя надеждой избавиться от них, когда «состояние воздуха изменится» (AA XII, s. 294). Кант думал иногда (постоянно размышляя о *физике*), что не возраст или болезнь, а «электрические свойства воздуха» вызывают эти болезненные состояния, и поэтому не остаётся ничего иного как терпеливо ожидать изменения этих свойств. В этом же году была опубликована *последняя работа, подготовленная к печати самим Кантом* – «Заявление относительно наукоучения Фихте». В *это же время* в его рукописях о «переходе» появляется *новая концепция эфира*, в листах, озаглавленных Кантом «A Übergang, B Übergang» (январь 1799 – февраль 1799), «A. Elem. Syst. 1-6» (февраль 1799 – май 1799), «Übergang 1-14» (май 1799 – август 1799), «Redactio 1-3» (август 1799 – сентябрь 1799), «A-U, X-Z, AA, BB», Convolut X, XI (август 1799 – апрель 1800).

11 В 1800 г. Кант прекратил свои знаменитые ежедневные прогулки и почти не выходил из дома. Физической боли почти не было, но духовные способности неотвратимо угасали. Кант потерял короткую память, забывал необходимые бытовые мелочи, по несколько раз на дню рассказывал одну и ту же историю, забывал, чем занимался сегодня, что ещё надо сделать, перестал отвечать на письма, поскольку просто был не в состоянии это сделать. Он ещё мог читать, но мало что понимал. Писать почти не мог, за исключением немногих «мгновений», в которые и записывались фрагменты, составившие в *Opus postumum* «Beilage 1-8», в Convolut VII (апрель 1800 – декабрь 1800; здесь Кант размышляет о новом для него «самополагании»), и записи, объединённые в папке с условным названием «Convolut 1» (декабрь 1800 – февраль 1803, последние записи Канта). В это печальное время, начиная с пятого листа Convolut VII и вплоть до последней записи в Convolut I, Кант

обращается от естественнонаучной и гносеологической проблематики к морально-практическому разуму, категорическому императиву, личности, Богу, «системе идей», определениям трансцендентальной философии как науки. Записывал то, что приходило в голову, нередко засыпал на своём рабочем стуле, соскальзывал с него и падал на пол. Встать самостоятельно уже не мог, и терпеливо ждал, пока его поднимут.

12 III

13 «Переход» от метафизики природы к физике был задуман в 1790 г., когда ни о какой *dementia senilis* и речи быть не могло, однако исходный замысел приходится отличать от его последующего фактического исполнения. Друзья и первые биографы Канта – Боровски, Яхман, Васиански и Хассе – оставили важные свидетельства о высказываниях самого Канта о своей последней работе, выдающих его внутреннюю неуверенность. Йохан Хассе сообщает, что Кант в доверительных беседах с друзьями за обедом называл задуманный «Переход от метафизических начал естествознания к физике» своим «главным трудом» и утверждал, что этот труд, завершающий его систему, в целом готов, полностью обработан и нуждается лишь в редактировании (Hasse 1804, s. 22). Яхман писал, что Кант «часто говорил о своём последнем труде с настоящим воодушевлением; этот труд должен был, по его словам, стать замковым камнем всего здания его учения и полностью документировать прочность, долговечность и реальную применимость его философии» (Jachmann 1804, s. 17).

14 Однако рукопись производила на первых её читателей тягостное впечатление. Васиански, душеприказчик Канта, передал манускрипт для оценки придворному проповеднику, профессору математики и известному комментатору критической философии Йохану Эрнсту Шульцу. Вывод последнего был таков: это лишь наброски незаконченной работы, которые не поддаются редактированию и не заслуживают опубликования. Дальнейшая судьба рукописи и история её публикации подробно описаны в кантоведческой литературе (Adickes 1920, s. 1-35; Stark 1993, s. 53–59, 100-118; Чернов 2000, с. 689–697; Basile 2013, s. 459–496).

15 Публикация *Opus postumum* первоначально не входила в планы Прусской Академии наук по изданию рукописного наследия Канта. Члены Кантовской комиссии испытывали серьёзные сомнения в целесообразности опубликования, полагая, что и в своём происхождении, и в своём содержании рукопись связана с явными признаками старческого маразма. Не всё же из написанного даже великим философом надо делать общественным достоянием! Однако капитальное исследование Э. Адикеса (Adickes, 1920) убедило комиссию в необходимости включения *Opus postumum* в полное академическое собрание сочинений Канта. В 1936 и 1938 гг. вышли 21-й и 22-й тома *Akademie-Ausgabe*, в которых рукописи последних лет жизни Канта опубликованы «дипломатически точно», с подробнейшим описанием текста, его расположения на листах, кантовских исправлений (вплоть до отдельных букв и слогов), ошибок, зачёркиваний, изменений цвета чернил, почерка и т. д. и т. п. Это издание стало прочной основой всех дальнейших исследований последнего периода творчества Канта.

16 24 июня 1999 г. немецкая пресса сообщила о том, что после полугодичных переговоров с отставным министра-диригентом Цезарем Эрнстом Альбрехтом Краузе, внуком пастора Альбрехта Краузе, купившего у наследников рукопись Канта в 1884 г. за 800 марок, она была приобретена Фондом «Прусское культурное наследие» при содействии Фонда *Zeit-Stiftung* для Государственной Берлинской библиотеки за «семизначную сумму». В том же году рукопись была издана библиотекой на микрофишах (Kant, 1999). Берлинская библиотека обеспечивает теперь и надёжное хранение рукописи, и свободный доступ к ней специалистов.

17 Берлин-Бранденбургская академия наук продолжила работу над текстом *Opus postumum* в рамках проекта по новому изданию, ревизии и завершению академического собрания сочинений Канта. С 2001 г. работа над новым, научно обоснованным и критическим изданием *Opus postumum* в рамках этого проекта велась под руководством Экарта Фёрстера, опубликовавшего за год до этого фундаментальное англоязычное

исследование последнего труда Канта (Förster, 2000). Новое издание, однако, так и не вышло, но в рамках этого проекта осуществлена полная (и снова «дипломатически точная») дигитализация рукописей (http://telota.bbaw.de/kant_op/), в ходе которой были успешно преодолены немалые технические трудности. Теперь любой желающий имеет неограниченные возможности рассматривания и изучения всех 527 страниц *Opus postumum* в сети Интернет с помощью факсимиле, транскрипции и богатых возможностей компьютерной навигации.

18

IV

19 С упомянутой оценкой *содержания и значения* *Opus postumum*, данной Шульцем, нельзя не считаться. Ещё в ноябре 1771 г. Шульц, бывший тогда пастором в небольшом городке Лёвенхагене, написал рецензию на профессорскую диссертацию Канта 1770 г. Прочитав её, Кант охарактеризовал рецензента как «лучшую философскую голову в нашей местности» (AA 10, s. 133). 3 августа 1781 г. Кант послал Шульцу экземпляр «Критики чистого разума» и в сопроводительном письме выразил надежду, что проницательный мыслитель найдёт время её прочитать и высказать свою оценку. Получив через два года развёрнутую рецензию с уточняющими вопросами, Кант ответил, что Шульц «глубоко и верно» понял суть дела и посоветовал сделать из рецензии книгу, которая и вышла в 1784 г. под названием «Разъяснение «Критики чистого разума» г-на профессора Канта» (Шульц, 1910). Кант нашёл изложение и разъяснения превосходными. Нет никаких сомнений в способности Шульца точно, глубоко и объективно оценить значение рукописей для понимания и оценки системы Канта.

20 Другое авторитетное суждение принадлежит Куно Фишеру, который в 1860 г. в капитальной «Истории Новой философии» писал: Кант «всё ещё был занят разработкой объёмистого произведения, которое он, с пристрастием старика к позднему ребёнку, охотно называл своим главным трудом... До последних месяцев своей жизни он усердно писал... В ценности этого сочинения, в том, что касается новизны мысли, силы и ясности изложения, можно усомниться не глядя, если принять во внимание дряхлое состояние Канта, и если одновременно подумать о том, до какой степени завершённости он уже довёл созданную им философию. Ему просто нечего было добавить к ней...» (Fischer 1860, s. 83). Отвечая позднее на критику этой априорной оценки со стороны владельца рукописи, пастора Альбрехта Краузе, Фишер добавил, что сам *исходный замысел* *Opus postumum* был *несостоятелен*. Престарелый философ «не показывает нам ни канавы, ни моста; согласно учению Канта, между физикой и метафизикой нет никакого рва; поэтому не нужен и никакой мост, так как метафизика относится к физике как фундамент к зданию, как принципы опыта к опытному познанию» (Fischer 1884, s. 33). Кроме того, Кант в 1798–1803 гг. уже был просто неспособен прийти к каким-либо новым идеям. В многочисленных отрывочных набросках, многократно повторяющих и пережёвывающих одно и то же, мы видим философа, который «продолжает писать, не продвигаясь вперёд» (*fortschreibt ohne fortzuschreiten*).

21 Тем не менее, Кантовская комиссия Прусской Академии наук под влиянием монументального исследования Э. Адикеса 1920 г. сочла необходимым включить посмертные рукописи Канта в собрание его *сочинений*. Герхард Леман, руководивший этим изданием вместе с Артуром Бухенау, пришёл к выводу, что даже последняя по времени написания *Convolut 1*, документирующая явные признаки старческой деменции, содержит в себе *завершение* задуманной Кантом науки о «переходе» (AA 22, s. 788). Есть, конечно, озадачивающие высказывания в двух последних папках (*Convolut VII, I*), в которых трансцендентальная философия, например, называется «гальванизмом», однако они могут свидетельствовать лишь о *психологическом* состоянии Канта в некоторые часы и минуты последних месяцев его жизни, но не могут быть основанием теоретической оценки *последней формы*, которую Кант придал своей *философии*.

22

Благодаря академической публикации рукописей в последующие десятилетия появилась весьма обширная литература об *Opus postumum*, в которой преобладает, вопреки Шульцу и Фишеру, позитивная и оптимистическая точка зрения на их содержание и значение. Многим хочется найти на этих страницах нечто принципиально новое, если не

сенсационное, какой-то «пересмотр» основных положений критической философии, её дальнейшее «развитие» и т. п. Автор одного из фундаментальных монографических исследований этих рукописей, Витторио Матьё, писал, что за последнее время «интерес к последнему труду Канта лишь вырос» (Mathieu 1989, s. 10). За прошедшие с тех пор три десятилетия этот интерес не угас. В феврале 2019 г. была проведена международная конференция «The Unfinished System – Kant’s Opus postumum», двуязычный англо-немецкий семинар, организованный Мюнхенским университетом Людвиг-Максимилиана и Университетом кино и телевидения Мюнхена. В числе организаторов и главных докладчиков были Giovanni Pietro Basile, Ansgar Lyssy, Dina Emundts, Bryan Hall, Günter Zöllner. Анна Пикхан (Pickhan), защитившая в апреле 2021 г. в Йенском университете им. Фридриха Шиллера диссертацию о теории эфира в Opus postumum, солидарна с Леманом: Кант работал над последним своим трудом около восьми лет; ошибочно отношение ко всем этим рукописям как к продукту старческой немощи; состояние Канта в 1800-1803 гг. нельзя относить ко всему времени работы над рукописью. Надо вполне серьёзно отнестись к словам самого Канта, который видел в своём последнем труде «замковый камень», без которого может обрушиться всё здание критической философии. Жалобы Канта на «привязавшееся нездоровье» и т. д. следует расценивать не как свидетельство его духовного бессилия, а скорее как завуалированную просьбу не отвлекать его на другие дела, как попытку получить побольше времени на работу для завершения задуманного (Pickhan 2021, s. 7). Из крупных работ последних двух десятилетий, посвящённых Opus postumum, помимо упомянутых работ Фёрстера, Базиле и Пикхан, следует отметить исследования Эдмундс (Edmundts 2012), Холла (Hall 2015), Торндайка (Thorndike 2018). Наиболее радикальные, даже *революционные* выводы на основании изучения моего перевода части Opus postumum сделал патриарх отечественного кантоведения Л. А. Калинин. Кант, по его мнению, не только совершил с молодости задуманную им революцию в философии, но и предложил *революцию в физике*, предвосхитил и будущую «постнеклассическую» науку второй половины XX в., и корпускулярно-волновой дуализм квантовой механики, и принцип эквивалентности массы и энергии Эйнштейна, и понятия «биосферы» и «фрактала», и даже понятие *сверхтекучести*, для чего ему не понадобились ни блестящие экспериментальные исследования жидкого гелия Петра Капицы, ни уникальный талант физика-теоретика Льва Ландау (Калинин Л. А. 2021, с. 175). Я не нашёл в рукописи Канта всех этих «удивительных априорных прозрений». Достаточно внимательно ознакомиться с теми работами по физике, которые он читал, чтобы убедиться: Кант – человек своего времени, и его размышления вращаются в кругу научных представлений XVII–XVIII вв.

23 Последние размышления Канта более всего интересны другим – попыткой довести до логического конца идею «трансцендентализма» в философии, и на основе этой идеи построить *философию* как *замкнутую*, универсальную и «аподиктическую» научную систему перед лицом *открытой*, бесконечно прогрессирующей экспериментально-математической *науки* о природе.

24 V

25 Ценность многочисленных фрагментарных набросков «посткритического» Канта в том, что перед нами – его *рабочая лаборатория*, запись «живого мышления» философа, который любил размышлять в утренние часы в одиночестве, в тишине и *с пером в руке*, привык, как удачно заметил В. Матьё, *мыслить письменно*. Наибольший интерес в них вызывают непрекращающиеся, упорные попытки решения *главной проблемы* всего «перехода», которую надо признать не только реальной и глубокой проблемой, но и проблемой, *решающей* для всей системы Канта, для всего замысла *трансцендентальной философии*, более того, решающей для судьбы *новоевропейского разума* (самой *идеи разума*) и даже для судьбы всей *философии*.

26 Основная тема размышлений дряхлеющего Канта, как он сам совершенно справедливо определил, – заполнение *пробела* в его системе, такого пробела, который действительно грозил *обрушить* всю «критическую» конструкцию, разрушить сам замысел, саму идею *трансцендентальной философии*.

27 Кант, по его собственному признанию, был «влюблён в метафизику». Метафизика и есть подлинная, истинная, настоящая философия. Он был пленён и очарован замыслом Аристотеля: построить метафизику как важнейшую во всём человеческом познании высшую и «первую» науку. Науку о «первых началах», о «сущем как таковом», о «божественном». Единственную в своём роде науку, которая должна быть абсолютно достоверной, доказанной, «аподиктической», которую можно довести до полного *совершенства*, *завершить* раз и навсегда, и передать всем последующим поколениям мыслящих существ как бесценный капитал, не подлежащий дальнейшему увеличению. Но для этого надо обосновать возможность такого знания о *реальном мире*, которое совершенно не зависит ни от какого прироста и изменения *эмпирического* (и математического) знания, расширяющегося *in indefinitum*, так что его будущие изменения и дополнения совершенно невозможно предвидеть.

28 Как же, каким именно образом, благодаря чему, при каких *условиях* мы можем что-то знать *обо всех без исключения реальных предметах*, которые *могут быть даны* нам в реальном, неопределённо далеко простирающемся и принципиально незавершаемом *опыте*, и знать *заранее, до того*, как они действительно будут нам даны в чувственном восприятии, в том числе в научном наблюдении и эксперименте? **Независимо** от того, что может сообщить нам любой возможный будущий опыт? И, главное, **что именно** мы можем о них знать заранее а priori? Ответ Канта, как очень хорошо известно, гласит: хотя у нас и есть понятие о *вещи самой по себе*, существующей независимо от нас, но абсолютно все вещи, данные нам в *опыте*, абсолютно все вещи, которые мы *знаем, познаём* и можем *познать*, – это *явления*, которые существенно *зависят* от нашей собственной *способности* чувствовать и мыслить, способности *воспринять* предмет и высказать *суждение* о нём. Следовательно, любой предмет нашего *знания* должен подчиняться присущим нам *способам* воспринимать и мыслить, т. е. – *всеобщим формам* чувственности и рассудка как необходимым *условиям* возможности *опыта*, в котором может быть *дан* и *познан* этот предмет. Идея не только блестящая, но и довольно естественная, и даже очевидная, если исходить из идеала *аподиктической* науки о строго *всеобщем*: в самом деле, если любой предмет нашего познания должен изначально сообразоваться с нашей познавательной способностью, то изучив эту способность, мы заранее а priori можем что-то узнать и о любом *предмете* приложения этой способности. А priori мы можем узнать о любом предмете познания то, что *сами вкладываем* в это познание, что «идёт» в этом познании от нас самих как *субъектов* – творцов и носителей этого знания. Другого решения для идеала аподиктической науки о всеобщем, т. е. *философии как науки*, найти и невозможно, если мы считаем истинным субъектом познания *человека*, как *конечное* существо, наделённое способностью чувственного восприятия и мышления.

29 Но как же мы можем изучить наши собственные «познавательные способности»? Кант исходит из того, что эти всеобщие *формы* нашей собственной познавательной способности *неизменны, всеобщы, одинаковы* для всех людей, и мы можем найти их *в самих себе*, можем изучить их *самих по себе*, как таковые, в *чистом виде*, и, благодаря этому, *косвенно*, узнать кое-что о любом предмете будущего возможного опыта, в котором эти чистые всеобщие формы с *необходимостью* будут *реализованы* в материале ощущений (поскольку без них эти ощущения просто не будут соединены в одном сознании). Хотя всё наше познание и *начинается* с опыта, но после того, как опыт у нас появился в ходе познавательной деятельности, мы можем *отделить* в особого рода философской *рефлексии* его априорную, идущую от нас самих *форму* от его эмпирического (связанного в ощущениями) содержания. А затем, найдя некоторый *высший принцип*, можем выявить и *всю систему* этих априорных форм, имеющих необходимое значение и для любого *возможного* и бесконечно расширяющегося опыта.

30 Суть теории познания Канта, вопреки широко распространённому во всём мире популярному мнению, состоит не в том, что есть некие непознаваемые «вещи в себе», или даже таинственный целый *мир* этих «вещей в себе», но исключительно в том, что абсолютно все «вещи», «предметы», «объекты», которые мы считаем *реальностью* и о которых мы имеем или можем иметь хоть какое-нибудь *знание*, – это *явления*, которые «сами по себе»,

безотносительно к нашим познавательным способностям, вовсе не существуют. В том числе и тело человека, и его органы чувств, и его мозг – явления, а не вещи сами по себе. Центральное место в этом замысле *трансцендентальной* философии, как известно, занимает учение о *пространстве и времени* как всеобщих формах чувственного восприятия (т. е. восприимчивости, *рецептивности* субъекта, его способности подвергаться действию, быть *аффицированным*), а также *дедукция категорий* как всеобщих форм *спонтанной активности* субъекта, его деятельности *соединения* (синтеза) своих *представлений* в «опыт», т. е. в *объективное* знание о «предметах» (как явлениях). Важно отметить, что Кант тщательно различает «чувственность» и «мышление», обособляет, можно даже сказать *изолирует* их друг от друга, как совершенно *разнородные* представления (хотя и имеющие неизвестное общее основание), и придаёт этому обособлению принципиально важное значение. Поэтому ему потребовалась особая теория *воображения* и *схематизма*, связывающая разделённые и разнородные чувственность и рассудок. Никакой *предмет* не может быть дан в чувственном восприятии без спонтанной синтезирующей деятельности мышления: он первоначально *возникает* в сознании мыслящего субъекта в соответствии с изначальной, «готовой», «заложеной в душе», априорной структурой чувственности и рассудка и соответствующими схемами трансцендентального воображения.

31 Именно эти общие положения трансцендентального критицизма дают ключ к пониманию проблем «перехода», над которыми Кант неутомимо и *безуспешно* размышляет в *Opus postumum*.

32 VI

33 Непосредственной, исходной точкой опоры ему служат «*Метафизические начала естествознания*» 1786 г., т. е. *метафизика телесной природы*, построенная здесь «догматическим» (т. е. научным) методом после *обоснования её возможности* в критике чистого разума. Самая суть этой работы – идея о том, что из всей совокупности наших знаний о *природе* можно *выделить в чистом виде* ту её часть, которая не заимствуется из опыта, из чувственного восприятия, не опирается на наблюдения и эксперименты, не содержит в себе ничего эмпирического, но *вкладывается* в любой предмет опыта *нами самими*, идёт не извне, от вещей «самих по себе», а «изнутри», от самого познающего субъекта, и может быть поэтому построена а priori, посредством одних лишь *размышлений*, одной лишь *рефлексии* над собственными познавательными способностями, над собственным рассудком, над категориями и трансцендентальными схемами, выражающими *воздействие* рассудка на чувственность. И, по непоколебимому убеждению Канта, это *самая важная* часть всех научных знаний о *природе*. Она *лежит в основании* всякого эмпирического исследования в естествознании, всякого *применения математики* в ней. Именно она сообщает всем эмпирическим сведениям о природе *научность*. Без неё, без априорных *принципов, направляющих* чувственное восприятие предмета, все эмпирические сведения были бы лишь «агрегатом» случайных наблюдений, но не научной *системой*. Это выделенное и обособленное априорное знание о природе, согласно убеждению Канта, можно *исчерпать* до конца (что он и сделал, по его утверждению, в этом небольшом трактате) и передать всем последующим поколениям как драгоценный капитал *метафизического* знания о *природе*, не подлежащий ни малейшему дальнейшему дополнению, расширению, усовершенствованию, в отличие от эмпирической физики, которая будет *изменяться до бесконечности*, поскольку *опыт невозможно завершить*: эмпирическое многообразие неисчерпаемо.

34 Увы, через четыре года Кант вдруг увидел «пробел» между своей априорной, «рациональной» (в смысле Вольфа – из одних понятий) *метафизикой* природы и эмпирической *физикой*, которую он прилежно изучал студентом, которую сам читал студентам с первого же семестра своей преподавательской деятельности, которой интересовался всю жизнь, следя за новыми идеями в этой области научных знаний до глубокой старости. Пытаясь перекинуть «мост» от берега метафизики к берегу физики и найти таким образом точно и однозначно определённый «переход» от первой ко второй, он признался себе, наконец, что не может выйти из состояния *умственного тупика*, по сравнению с которым даже «танталовы муки кажутся менее безнадёжными». Может быть,

Кант чувствовал, что рушится весь замысел *трансцендентальной метафизики природы*? Для его *завершения* он должен был, начиная «сверху», со всеобщих общезначимых форм спонтанной мыслительной деятельности *субъекта познания*, с категорий чистого рассудка и трансцендентального схематизма, шаг за шагом в построении *системы* показать, какие именно мыслительные формы и каким именно образом создают *единство* эмпирического материала и дойти в аподиктическом *выведении* этих форм, т. е. в априорном познании природы, до *границы между априорным и эмпирическим* знанием. Если можно полностью выделить и обособить *чистую часть* естествознания, или априорную метафизику природы, то должно быть возможно *точно установить эту границу* и быть в состоянии точно, однозначно и навсегда сказать: вот, на этих *понятиях* кончается априорное знание о природе (метафизика природы), а с этих понятий начинается *эмпирическое* знание о природе (физика). И *найти эту границу Кант не смог*, хотя согласно принципам его учения она, вне всяких сомнений, *должна быть*.

35 Эту проблему Кант увидел ещё в «Критике чистого разума». Априорно ли понятие *субстанции*? Да! А представление *пространства*? Да! А понятие *материи*? Да! А понятие *тела*? Да! А понятие *жидкого* тела? «Вы приходите в замешательство, – пишет Кант, – так как если это продолжить далее таким именно образом, то всё окажется принадлежащим метафизике» (АА 03, s. 545). Именно в этом *замешательстве* Кант и находился в последние годы жизни, и *Opus postumum* даёт исчерпывающее представление о ходе его мысли и направлениях поиска: до какой же точки, до каких понятий и знаний о *природе* мы можем дойти в *априорных рассуждениях* о ней *за письменным столом*, над листом бумаги, в размышлениях, исходящих только из самых общих *принципов* трансцендентальной философии, обращая внимание только на сам *разум*, который, несомненно, присутствует же *во мне самом*, как и во всяком *разумном существе*?

36 Можем ли мы рефлектируя, обращаясь лишь к собственному сознанию, размышляя о собственных познавательных способностях, узнать, что в окружающей нас *природе*, частью которой является и наше собственное тело, с необходимостью *должна быть* общая для всех тел и всего мира *материя*, должны существовать *различные*, твёрдые, жидкие и газообразные *тела*, должны действовать *силы* притяжения и силы отталкивания, должны быть тела неорганические и *органические*, *живые*, которые для размножения непременно должны быть *двух* видов (полов), что в природе должно быть точно определённое число *видов* физических явлений – *свет, тепло, гравитация, электричество, магнетизм*?

37 Наличие априорного знания для Канта было абсолютно очевидным. Нечего бояться, что кто-нибудь когда-нибудь обнаружит или докажет отсутствие или невозможность априорного знания, поскольку отрицание априорного знания означало бы *отрицание самого разума*. Если есть в нас *разум*, то кое-что мы можем знать а priori о любом *предмете* мышления и возможного опыта. Не менее очевидно, конечно, и существование *эмпирического* знания, *содержание* которого от нас, от познающего субъекта, от самого разума *не зависит* и никакими усилиями не может быть предвидено а priori, «из общих соображений». Стало быть, *отделить* одно от другого, «провести черту» между ними можно и нужно: точная граница есть. Кант был интеллектуально честен и признался сам себе, что этой границы, однако, *он не видит и найти не может*. Он хорошо знал физику, конкретную науку о природе своего времени, и отчётливо видел «пробел», разрыв, пустое место между нею и своей «имманентной метафизикой». Он оказался в последние годы жизни в поистине трагическом положении. Он не смог решить поставленную перед собой задачу не потому, что состарился и впал в старческое слабоумие, а потому, что эта задача *не имеет решения*. Признать это, признав тем самым несостоятельность всего замысла *трансцендентальной философии*, Кант, конечно, не мог, и до последних минут жизни перед его мысленным взором витал прекрасный образ системы завершённой, окончательной *научной философии*. Но... «ничего не исправила, не помогла ничему смутная, чудная музыка, слышная только ему» (Г. Иванов).

об устройстве *нашего* мира, в котором мы находим твёрдые, жидкие, газообразные тела, свет, тепло, звук, электричество, магнетизм и т. д. Это совокупность *эмпирического* знания, почерпнутого из наблюдения и эксперимента, такого знания, которое не может быть дедуцировано или предвидено *a priori*, «из общих соображений». Наконец, «физикой» следует называть не просто некую совокупность («агрегат», *farrago*) сведений о природе, а их *систему*. Однако общая метафизика телесной природы, т. е. учение о материи, движении и силе *вообще*, не объясняет, *почему* результаты отдельных наблюдений и экспериментов и найденные посредством них особенные, частные эмпирические законы складываются в одну *систему*. Какие *априорные понятия* могут *обеспечить системное единство* второго закона Ньютона для механического движения, закона Кулона для взаимодействия электрических зарядов, закона Ома для электрического тока, закона Бойля-Мариотта, связывающий объём идеального газа и его давление, и множества других частных эмпирических законов, обнаруженных в самых разных физических, химических и биологических явлениях? Что *необходимо* должно *мыслиться* и *лежать в основе* всех научных исследований для того, чтобы эти частные, совершенно разнородные законы составляли не «агрегат», а сложились в *единую систему природы*?

40 В «Критике способности суждения» Кант уже ставил вопрос о том, благодаря чему «возможно», что частные эмпирические законы связываются друг с другом, обнаруживая удивительную *целесообразность*, как бы соразмерность нашей познавательной способности, приспособленность к нашим познавательным интересам? Для объяснения и обоснования такого рода порядка в природе Кант вводит субъективный принцип *рефлектирующей способности суждения*. В *Opus postumum*, где речь идёт о *физике*, он ищет не эвристический, регулятивный и субъективный принцип, а объективный и «конститутивный». Метафизика телесной природы рассматривает лишь материю, движение и силу вообще, следовательно, «переход» к физике должен *конкретизировать* эти понятия, не обращаясь, однако, ни к каким эмпирическим сведениям. Кант много раз пишет, что «переход» – это *уже не метафизика, но ещё и не физика!* Это – некая промежуточная, нейтральная «территория» всё ещё «чистого», априорного знания, которое вместе с тем должно каким-то образом *антиципировать*, предвосхитить те *различия* в природе, которые будут *даны* в опыте фактически. «Переход» должен каким-то образом продвинуться от материи, движения и силы вообще к каким-то *видам* материй и сил. И поскольку Кант сводит материю к силе, а сила проявляет себя во взаимодействиях, а взаимодействие обнаруживается в относительных движениях, то исходная проблема *Opus postumum* ставится как задача *классификации движущих сил*, построения их «элементарной системы».

41 Движущие силы и их общая основа, *эфир*, заменяют целесообразность «как если бы» рефлектирующей способности суждения. Кант расширяет идею «схематизма» категорий мышления применительно к сфере конкретно-физического познания. Идея «схемы» позволила связать обособленные сферы чувственности и рассудка, выступая в качестве посредника между ними. В *Opus postumum* Кант упорно ищет «посредника» между метафизикой (познанием из одних лишь *понятий*) и физикой (основанной на *чувственном восприятии*). Неудивительно, что он снова обращается к идее схематизма и находит посредника между физикой и метафизикой в понятии *движущей силы*, которая с одной стороны *мыслится* как отношение, *связь* тел в природе (всякая связь, согласно Канту, имеет нечувственный характер и устанавливается мышлением), а с другой – *действует* на наши *органы чувств* и вызывает ощущения.

42 В «Метафизических началах естествознания» Кант специально подчёркивал, что *a priori невозможно* найти «специфические различия» веществ природы и её сил. Но именно это и составляет главную задачу *Opus postumum*. Как это ни удивительно, как это ни странно, как это ни кажется невозможным, неоднократно говорится здесь, но мы *должны a priori антиципировать* свет, звук, тепло, основные вещества и т. д. И для того, чтобы получить возможность это сделать, необходимо в первую очередь переосмыслить *эфир* – гипотетическое вещество, которое в современной Канту физике считалось «ответственным» за световые, электрические, тепловые явления и даже за тяготение. Если конкретизировать материю вообще как эфир, то можно *a priori* различить первичные и производные движущие

силы (динамические и механические, живые и мёртвые). Возможно, что замысел Канта первоначально ограничивался построением «элементарной системы» движущих сил. Однако обращение к понятию эфира изменило ход мысли Канта. С начала 1799 г. намечается поворот от классификации движущих сил в соответствии с таблицей категорий к априорной *дедукции* эфира. Нейтральная «территория перехода» теперь отождествляется с априорным *доказательством* существования эфира как «трансцендентальной материи» – всепроникающей, невесомой, находящейся в непрерывном самостоятельном колебании и обеспечивающей прежде всего саму *связность* вещества, образование любых *тел* в природе.

43 Поскольку эфир – основное понятие *перехода* от метафизики к физике, то это не *физическое* понятие, не физическое вещество. Согласно идее «перехода» он не должен обладать *никакими физическими свойствами*. Исходя из этого полуметафизического, априорного понятия, необходимо вывести и объяснить *сцепление* частиц физической материи, любых *веществ*, твёрдость, жидкое состояние, плавление и затвердевание, тепло и холод, излучение света, тяжесть и т. д. С 1799 г. Кант переходит на *трансцендентальную* точку зрения в трактовке популярного в физике его времени понятия эфира (теплорода, светорода и т. д.) и ставит вопрос так: *что я должен уже мыслить*, чтобы априорное понятие «количество материи» приобрело *физический смысл*, т. е. могло быть дано и измерено *в опыте*? Для этого я должен иметь возможность *взвесить* тело, а для этого нужны весы, т. е. *рычаг*, который должен быть *твёрдым* (иметь негнувшиеся плечи), следовательно, я уже должен мыслить *сцепление* его частей друг с другом, а тем самым предполагать *эфир* как первоначальное условие всякой *связности* и твёрдости материи. Эфир выступает как трансцендентальное условие возможности любых *физических* понятий, и тем самым он обеспечивает единство всей *природы* и единство всего возможного *опыта*.

44 Кант пытается *a priori доказать существование* эфира, исходя из необходимости *единства опыта* и *системности знаний* в физике, хотя согласно основоположениям его критической философии никакое *существование a priori* доказать невозможно. Эфир, однако, – исключение из общего правила, он занимает в мире даже более привилегированное положение, чем сам Бог. Кант бесчисленное множество раз повторяет одну и ту же простую мысль: *опыт* может быть лишь *один*, подобно тому, как есть лишь один мир, одна природа, один Бог. Но опыт не может быть одним-единым-единственным, если нет *одной* бесконечной и вездесущей *материи*. Эфир, таким образом, – необходимое трансцендентальное условие возможности всего потенциально бесконечного опыта *как одного целого*.

45 Вместе с тем Кант многократно и очень энергично подчёркивает, что нам ничто не может быть «дано», что всё, что нам якобы просто «дано», на самом деле нами *сделано*, что «мы всё делаем сами». Для того, чтобы ощущения и чувственные восприятия стали для нас *явлением* некоторого реально существующего *объекта* природы, мы должны сами *создать* *косвенное явление*, так что *данный* (dabile) нам в опыте объект представляет собой явление *мысленно представляемого* (cogitabile, Gedankending) явления или «явления явления». **Существуют** именно **мыслимые** вещи, которые **придумываются** нами для *единства опыта*. Нам «дано» (в физике) в чувственном восприятии, в наблюдении и эксперименте лишь то, что мы *мыслим*, что мы сами *придумали*. Надо было придумать «температуру», для того чтобы сконструировать термометр, и наблюдая его показания (данное), превратить их в *объективный научный факт*. И для того, чтобы *делать* эти *мысленные предметы*, лишь благодаря которым ощущения становятся *чувственным восприятием реального объекта*, мы и нуждаемся в некоторой универсальной и умопостигаемой *материи* для формирования *мысленной предметности* (физической реальности). В качестве таковой и выступает эфир, как *реализованное пространство*. Мир один и един потому, что все тела существуют в *одном* пространстве. В «переходе» к физике чистое пространство геометрии превращается в «реализованное пространство», или в трансцендентальную материю, эфир. Следовательно, его существование *аподиктически достоверно*.

46 Пространство, однако, всеобщая форма *рецептивности*, восприимчивости, страдательности субъекта, тот способ, которым я *подвергаюсь* внешнему воздействию и *могу быть аффицированным*. Пространство, следовательно, это в каком-то смысле я сам. Объекты, которые меня аффицируют, как ясно из предшествующего, тоже созданы мною

самим. Выходит, что я *сам себя* в каком-то смысле аффицирую. Размышляя об этом, видимо, Кант пришёл к идее *самополагания*. Всякое *полагание объекта* есть одновременно и *самополагание* мыслящего и чувствующего субъекта. Все придуманные физиком *объекты исследования* представляют собой одновременно различные *способы самополагания* и возможного *самоаффицирования* в наблюдении и эксперименте. В кантоведческой литературе фрагменты, в которых формулируется эта идея (в Convolut X–XI), получили название *новой дедукции* или *нового схематизма*. Теперь *самополагание* субъекта в опыте должно соединить «берега» физики и метафизики. С точки зрения физика, температура, молекулы газа, поток электронов, фотоны, кварки и глюоны, всемирное тяготение – объективная физическая реальность, «вещи сами по себе». С точки зрения Канта, – продукты *самополагания* и *самоаффицирования* субъекта, хотя их трансцендентальная идеальность ничуть не мешает их *физической реальности*. Не следует думать, однако, что эта идея Канта охватывает вообще все возможные *гипотетические* построения физиков. Речь не идёт о конкретных научных гипотезах. Эта идея Канту нужна лишь для того, чтобы найти *аподиктически необходимые* «объекты» в природе, без которых невозможно научное исследование природы вообще, в котором всё эмпирическое знание объединяется в одну систему.

47 Естественно, что идея «самоаффицирования» и «самополагания» в размышлениях о физическом, телесном мире обращает внимание Канта на роль *тела* человека в познании. Человек может познать движущие силы материи и других тел природы лишь потому, что он *сам обладает движущими силами*, сам есть тело природы, сам в процессе *познания* «двигает объект». Его собственное *действие* вызывает *противодействие* объекта и тем самым выявляет и обнаруживает силы внешнего тела. Внешнее *воздействие*, аффицирующее органы чувств и вызывающее ощущение, есть по существу *противодействие*. Следовательно, структура этого противодействия, т. е. внешнего воздействия на нас (структура движущих сил материи), определяется структурой нашей собственной *спонтанности* (форм самодвижения субъекта). Первичные формы спонтанности, самодвижения субъекта – это категории рассудка. Поэтому Кант утверждает, что при посредстве тела человека его *рассудок* становится *движущей силой природы*.

48 В ряде фрагментов даже знаменитая «вещь сама по себе» рассматривается как «самополагание субъекта», в котором полагается своеобразная точка кристаллизации восприятий, их синтеза или «сгущения» в восприятии «объекта». Формулировки Канта напоминают строки первого издания «Критики», в которых говорится о необходимом корреляте единства апперцепции. «Вещь в себе», пишет Кант, это «представление своей собственной деятельности» (AA 22, s. 37); и «трансцендентальный объект», полагаемый за всеми восприятиями, – это *я сам*: представляя его, я полагаю самого себя как организующий принцип опыта.

49 Продукт самополагания Кант называет и «мысленной вещью» (Gedankending), и «истинным объектом». Можно ли сказать, что эти *мыслимые* вещи реально *существуют*? Кант попадает в безвыходную ситуацию. Эфир – «чистый вымысел», но он «дан а priori» и обладает «конститутивным» значением для опыта как необходимое условие его единства. Движущие силы эфира – «придуманная композиция», но в ней мыслится именно то *соединение*, которое а priori предшествует всему *соединённому* в опыте. Чистые *вымыслы* получают статус *необходимо существующих* в самой *природе* объектов. Кант вынужден снять саму оппозицию «данное – мыслимое», «идеальное – реальное». Объект, конечно, *создаётся* нами самими, но остаётся именно *объектом* – одним и тем же для всех мыслящих существ. Объект, *воспринимаемый* в опыте, *мыслится рассудком*. Если бы рассудок не *мыслил* объект, то он не мог бы и *восприниматься*. Однако понимание того, *что* мы, собственно, мыслим, зависит и от опыта, от ощущений. И беда в том, что опыт постоянно расширяется и не может быть закончен. Поэтому сегодня наука мыслит и видит в природе одно, а завтра – другое. В силу принципиальной *незавершаемости* опыта «полное определение» того, что мы *воспринимаем* в опыте, – асимптотический процесс. *Опыт никогда не может доказать существование чего бы то ни было!*¹ И поскольку абсолютное целое мыслится, согласно Канту, лишь в *идеях* разума, то выходит, что и «вещь», и её «существование», и сам «опыт» –

идеи. Оказывается, что и всемирное тяготение Ньютона – идея, и даже сам человек – *идея* (АА XXI, s. 48–49)! Так почему бы и высшие, главенствующие *идеи разума* не признать более *реальными*, чем отдельные предметы природы и любые физические объекты? Неудивительно, что в последних записях Кант обращается к «системе идей» и трансцендентальной философии в целом. По существу, он вернулся к тому, с чего начал. В последних записях говорит даже о переходе от метафизических начал естествознания... к трансцендентальной философии! Сизифов камень вновь оказался у подножья горы.

50

VIII

51 Кант хотел точно определить, насколько далеко может зайти априорная «антиципация» того, что будет дано в опыте. В «переходе» она должна была пойти дальше «Критики чистого разума», трансцендентальной онтологии. Так какие же именно *объекты* природы разум должен а priori «вложить» в опыт? Какие именно «косвенные явления»? Кант не решил эту задачу, система эмпирической физики не была им «антиципирована» – ни физики его времени, ни физики XIX–XX вв. Если трансцендентальный философ пытается антиципировать нечто конкретное в мире опыта – ничего у него не получается. Верно, конечно, что «форма даёт бытие вещи», но какой именно вещи? Кант ответить не смог. Адикес и Леман были правы в том, что размышления Канта весьма туманны (Adickes 1920, s. 279, 310), что образование понятий в *Opus postumum* «запутанное, многозначное, не завершённое» (Lehmann G. 1980, s. 139).

52

Физика не пошла тем путём, который ей *навек* хотел предначертать Кант. Понятие «движущей силы» не было и не стало в ней основным, фундаментальным. Г. Герц показал, что даже *механику* можно построить вообще без понятия силы. Универсальной характеристикой движения и взаимодействия тел стало не понятие силы (и тем более *эфира*), а понятие *энергии*, которое описывает и немеханические явления и взаимодействия. Даже механику Ньютона можно построить в терминах энергии, а в остальных областях физики силовое описание уступило место энергетическому. Электромагнитное поле и близкое действие нанесли решающий удар по «силе» как способу описания взаимодействия. Именно немеханическое, электромагнитное взаимодействие объясняет то «сцепление» частиц вещества, которое Кант хотел вывести из «агитации» эфира и его «давления» на частицы материи. Упругость резины и твёрдость камня – одной природы, электромагнитной. Кант не случайно интересовался явлением «гальванизма», но не дожидаясь изобретения приборов, дающих электрический ток, только благодаря экспериментам с которыми была открыта та связь электричества и магнетизма, которую никто не мог предполагать а priori. Понятие силы не позволяет описать и движение элементарных частиц, поскольку у них нет ни точного определённого положения в пространстве, ни точно определённой скорости. Фундаментальное теоретическое объяснение почти всех явлений и взаимодействий в природе (кроме гравитации и ядра атома) даёт квантовая электродинамика, теория взаимодействия фотонов и электронов, которая полностью отказывается от наглядного описания того, что «происходит в природе» (Фейнман 2012, с. 69, 95), к чему, несомненно, стремился Кант, пытаясь а priori силой одного лишь *мысленного взора*, наглядно, ясно и отчётливо «сконструировать» тело, увидеть, что там происходит внутри всех тел природы и приводит к изменениям их состояний. Только эксперименты показали, что природа настолько сложна и ведёт себя настолько странно, что ради точной теории физических взаимодействий приходится отказываться даже от здравого смысла (там же, с. 136), что Канту, несомненно, и в голову не могло прийти.

53

Кант ошибался в своей непоколебимой уверенности в том, что *философию* можно построить как единую для всех людей *аподиктическую науку*, полностью завершить её построение «до конца текущего столетия», доставив тем самым разуму «полное удовлетворение». В основе этой уверенности лежало представление о «разуме», который любой мыслящий человек может «найти в самом себе», так что все первоначальные простые действия мышления, «чистые понятия», могут быть найдены и систематически перечислены благодаря трансцендентальной рефлексии исчерпывающим образом. Иначе говоря, *есть* категории и некоторые другие «понятия», имеющие однозначный и точно определённый смысл *сами по себе*, и благодаря этому профессор философии может в утренние часы

спокойных и сосредоточенных размышлений *отвлечься* от любых *объектов* и наблюдать мысленным взором в самом себе действия «чистого рассудка». Термоядерное соединение аристотелевского идеала аподиктической науки с принципом конечности (аффицирования) и спонтанной творческой активности субъекта познания заставило Канта выводить всякую связь (единство) из субъекта, построить «дедукцию категорий» и ввести «чистое созерцание».

54 Всем, кто надеется на возможность построения *системы научной философии* и априорного узрения вечно неизменной сущности *природы*, полезно внимательно изучить *Opus postumum*. В нём постепенно угас не только *ум* Канта, но и *разум* новоевропейской философии, то понимание «разума», то платоновско-декартовское (и общечеловеческое, согласно принципам Просвещения) мыслящее «я», которое стоит за всеми «критическими» размышлениями Канта. В нём угасла идея философии как науки, как абсолютной науки, обосновывающей и завершающей все познавательные устремления человека. Все последующие попытки подобного рода после Канта уже были обречены на неудачу.

Remarks:

1. Только опыт показывает реальное существование объекта, но *какого именно объекта* всегда остаётся не вполне ясным, поскольку его изучение всегда можно продолжить.

References:

1. Kant I. Traktaty i pis'ma. M. : Nauka, 1980.
2. Kalinnikov L. A. Filosofskaya sistema Kanta. Zamysel i itogi. Kaliningrad : izd-vo BFU im. I. Kanta, 2021.
3. Fejnman R. KEhD – strannaya teoriya sveta i veschestva. M. : Astrel' : Poligrafizdat, 2012.
4. Chernov S. A. Poslednij trud Kanta // Kant I. Iz rukopisnogo naslediya (materialy k «Kritike chistogo razuma», Opus postumum). M. : Progress-Traditsiya, 2000.
5. Shul'ts I. Raz'yasnyayushee izlozhenie «Kritiki chistogo razuma»: Rukovodstvo dlya chteniya / per. so 2-go nem. izd. 1897 g., pod red. i s predisl. B. A. Fokhta. M. : tip. O. L. Somovoj, 1910.
6. Adickes E. Kant's Opus Postumum dargestellt und beurteilt. Berlin : Topos-Verlag, Vaduz, 1920.
7. Basile G. P. Kants Opus postumum und seine Rezeption. Berlin/ Boston : Walther de Gruyter GmbH, 2013.
8. Borowski L.E. Darstellung des Leben und Charakters Immanuel Kant's. Von Kant selbst genau revidirt und berichtigt. Königsberg : Nicolovius, 1804.
9. Brandt R. Kants Vorarbeiten zum Übergang von der “Metaphysik der Natur zur Physik”. Probleme der Edition // Übergang. Untersuchungen zum Spätwerk Immanuel Kants. Frankfurt am Main: V. Klostermann, 1991. S. 1–27.
10. Emundts D. Kants Übergangskonzeption im Opus postumum: zur Rolle des Nachlaßwerks für die Grundlegung der empirischen Physik. Berlin : Walther de Gruyter, 2012.
11. Fischer K. Geschichte der neuern Philosophie. Bd. 3. Mannheim : Friedrich Bassermann, 1860.
12. Fischer K. Das Streber- und Gründertum in der Literatur: Vademecum für Herrn Pastor Krause aus Hamburg. 1884.
13. Förster E. Kant's Final Synthesis. An Essay on the Opus postumum. Cambridge / London :

Harvard University Press. 2000.

14. Hall B. W. *The Post-Critical Kant. Understanding the Critical Philosophy through the Opus postumum.* – New York, London : Routledge / Taylor & Francis, 2015.

15. Hasse J.G. *Merkwürdige Äußerungen Kants von einem seiner Tischgenossen.* – Königsberg: Herlage, 1804.

16. Jachmann R.B. *Immanuel Kant geschildert in Briefen an einen Freund.* – Königsberg: Nicolovius, 1804.

17. Kant I. *Opus postumum. Mikrofischeausgabe / hrsg. von Tilo Brandis.* Berlin : Staatsbibliothek zu Berlin, 1999.

18. *Kants Philosophie der Natur: ihre Entwicklung im Opus postumum und ihre Wirkung / hrsg. von Ernst-Otto Onnasch.* Berlin / New York : Walter de Gruyter. 2009.

19. Kühn M. *Kant. Eine Biographie.* München : Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co, KG, 2007.

20. Lehmann G. *Kants Tugenden. Neue Beiträge zur Geschichte und Interpretation der Philosophie Kants.* Berlin-New York : W. de Gruyter, 1980.

21. Mathieu V. *Kants Opus postumum.* Frankfurt am Main : V. Klostermann, 1989.

22. Pickhan A. *Die Funktionen des Äthers aus Kants Opus Postumum. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades doctor philosophiae, vorgelegt dem Rat der Philosophischen Fakultät der Friedrich-Schiller-Universität Jena,* 2021.

23. Stark W. *Nachforschungen zu Briefen und Handschriften Immanuel Kants.* Berlin : Akademie-Verlag, 1993.

24. Thorndike O. *Kant's Transition Project and Late Philosophy: Connecting the Opus Postumum and Metaphysics of Morals.* – Bloomsbury Publishing, 2018.

25. Wasianski E. A. Ch. *Immanuel Kant in seinen letzten Lebensjahren: Ein Beytrag zur Kenntnis seines Charakters und häuslichen Lebens aus dem täglichen Umgange mit ihm.* Königsberg : Nicolovius, 1804.

Танталовы муки трансцендентализма

Чернов Сергей Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация

Рукописи Канта 1796–1803 гг., объединённые в 21–22 томах академического немецкого издания его сочинений под придуманным Г. Файхингером названием *Opus postumum*, по-прежнему привлекают внимание исследователей. Действительно ли в системе «критической», трансцендентальной философии Канта, построенной к 1790 г., был существенный теоретический «пробел», который необходимо было заполнить, а именно – осуществить концептуальный «переход» от уже построенной априорной метафизики телесной природы (метафизических начал естествознания) – к экспериментально-математической физике, ко всему научному эмпирическому исследованию природы? Кант пытался решить в последние годы жизни действительно решающую для судьбы трансцендентализма проблему, осознанную им уже в «Критике чистого разума» и конкретизированную в «Метафизических началах науки о природе», однако оказался в безвыходном положении, которое и обрекло его на «танталовы муки». Проблема, над которой он постоянно размышлял, с необходимостью возникает в системе трансцендентальной философии, но не имеет в ней решения. *Opus postumum* – важное свидетельство непреодолимых трудностей, с которыми сталкивается попытка «спасти» философию как совершенную и законченную систему абсолютно достоверной, «аподиктической» науки, исходя из идеи всеобщих и необходимых условий возможности опыта.

Ключевые слова: Кант, метафизика природы, метафизические начала естествознания, метафизика и физика, *Opus postumum*, трансцендентальная философия, философия как наука

Дата публикации: 16.11.2021

Ссылка для цитирования:

Чернов С. А. Танталовы муки трансцендентализма // Трансцендентальный журнал. – 2021. – Т. 2. – Выпуск 2. URL: <https://transcendental.ru/s271326680016903-3-1/> DOI: 10.18254/S271326680016903-3